

ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

К 100-летию со дня рождения Василия Ивановича Патрушева*

В. Н. Большаков,
академик РАН, директор
Института экологии
растений и животных
УрО РАН

В. Е. Третьяков,
член-корреспондент РАН,
президент УрГУ
им. А. М. Горького

Н. Н. Фирсов,
декан биологического
факультета
УрГУ им. А. М. Горького

Доктор наук в майорских погонах

В начале февраля была защита, а уже в марте еще не утвержденный ВАКом доктор биологических наук В. И. Патрушев ехал в Минск, чтобы вступить в должность заведующего отделом животноводства Института сельского хозяйства АН БССР. Недолго ему пришлось осваивать новое место работы: с началом войны был мобилизован, направлен командиром отделения в стрелковую дивизию, попал со своими бойцами в окружение, из которого они благополучно выбрались. Не без потерь: в какой-то момент, когда создалась реальная угроза оказаться в плену, Василий Иванович то ли хорошо спрятал, то ли уничтожил свой партбилет. В ту пору это был большой криминал.

Плена они тогда избежали, но, выводя своих ребят из окружения, молодой командир сильно покалечил ноги и сразу попал в госпиталь. Там его хорошо подлечили, но, узнав о его научной квалификации, в строевую часть не отпустили, а оставили у себя начальником лаборатории. В этом качестве В. И. Патрушев почти два года воевал на Западном фронте. Там же его настигло и известие об утверждении ВАКом его докторской защиты.

В июне 1943 г. Василия Ивановича перевели из фронтового госпиталя в Свердловский гарнизонный госпиталь № 354, где ему тоже пришлось налаживать работу лаборатории. Кроме плановых клинических, он организовал проведение серологических, бактериологических, биохимических, газоаналитических, электрокардиографических и хроноаксиметрических анализов. Вел занятия по токсикологии, диагностике и терапии на курсах для врачей и медсестер. И конечно, руководил научной работой врачей госпиталя, лидером в которой, естественно, был сам. Но эта работа имела мало общего с тема-

тикой его довоенных исследований: обстоятельства заставили переключиться на проблемы военной медицины. Он работал, как и прежде, продуктивно, но меньше всего заботился о публикации полученных результатов – было не до того. Поэтому немного сохранилось из тех его работ: что-то дошло до нас в рукописи, а что-то вовсе утрачено.

Новый поворот в его жизни совершился осенью 1944 г. Согласно легенде, кто-то из Президиума АН СССР, находившегося тогда в Свердловске, обратил внимание на молодого майора, «лихо раскатывающего по городу на виллисе», к тому же доктора биологических наук. Его опознали старые знакомые из Москвы и порекомендовали руководству УФАНа в качестве подходящего кандидата на должность директора Института биологии, который, несмотря на военное время, создавался в Свердловске. Директором института В. И. Патрушев был назначен, еще не сняв погоны.

Нить судьбы, грубо разорванная лысенковским разгромом Института генетики, а потом и войной, казалось, вновь начала свиваться: Василий Иванович получил возможность погрузиться в исследовательскую работу, к которой всегда был склонен, причем теперь – независимо от московских интриг: стратегию научного поиска предстояло определять ему самому. Бесспорно, ему хотелось построить свой институт по примеру вавилонского, в котором ему так хорошо работалось: привнести ту атмосферу «общего дома», где трудятся ученые разных поколений, сплоченные одной идеей, где уважительно относятся к совсем еще молодым людям, считаясь с их точкой зрения. Созданием такой атмосферы он озаботился даже раньше, чем были решены материальные вопросы: это нельзя было откладывать на потом. Организованные

* Окончание. Начало – 2010. № 4 (34).

Статья написана при участии В. П. Лукьянина. Использованы также материалы из книги Е. Н. Колосовой «Василий Иванович Патрушев: известный и неизвестный» (Екатеринбург; Сургут, 2008) и документы из фондов музея УрГУ.

В. И. Патрушевым еженедельные научные собрания – «четверги» – с реферативными докладами о новейших достижениях науки собирали не только биологов города, но и физиков, химиков, геологов. А он принимал всех, кто хоть сколько-нибудь мог быть полезен в научном

лога растений Н. С. Спиридонову (свою жену – в то время врача госпиталя), которая становится зав. лабораторией физиологии и биохимии растений. К концу 1944 г. в институте работало уже 20 сотрудников, из них 4 доктора и 8 кандидатов наук.

В. И. Патрушев читает лекцию студентам биофака УрГУ. 1950-е гг.

развитии института и расширении кругозора его сотрудников.

Тут надо учесть, что при комплектовании штата института Василий Иванович столкнулся с теми же трудностями, что и вновь организованный биофак Свердловского университета (ныне УрГУ), как, впрочем, и любое научное учреждение, создаваемое практически на голом месте: в городе не было «свободных» кадров, да и вообще «остепененных» биологов было – по пальцам перечесть. На первых порах пришлось делать ставку на совместителей: для докторов наук фитопатолога С. И. Ванина, зоологов Г. Г. Доппельмайера и В. О. Клера, лесоведа М. Е. Ткаченко, кандидатов наук почвовед Б. А. Лебедева, Р. С. Кацнельсона, С. М. Маштакова академический Институт биологии не был основным местом работы. Однако удалось подобрать и ряд перспективных сотрудников на постоянной основе: миколога-фитопатолога З. А. Демидову, ботаника М. М. Сторожеву, лесоведа И. И. Орлова, зоолога В. Н. Павлинина, зав. гербарием С. А. Глаголева. На постоянную же работу в институт Василий Иванович принимает агронома П. И. Гупало и двух кандидатов наук – физиолога И. И. Хренова (своего сослуживца по госпиталю) и физиолога

На научном собрании института 15 декабря 1944 г. в докладе «Задачи и перспективы развития Института биологии» В. И. Патрушев подробно изложил свои представления об основных направлениях работы коллектива в теоретическом и практическом плане. Доклад этот примечателен не только тем, что в нем было задано направление развития института на ближайшие десятилетия, но и тем, что, учитывая обстановку в стране и печальный опыт Института генетики, Василий Иванович сумел увязать теоретические задачи с практическим выходом в сельское хозяйство.

В. И. Патрушев определил, что основная задача института – изучение комплекса биологических богатств Урала, имея целью их освоение на уровне современных достижений мировой науки. Все исследования, полагал научный лидер коллектива, должны быть ориентированы на проблему индивидуального развития организма в эволюционном аспекте. Василий Иванович наметил разработку двух комплексных тем: биоценотическое исследование лесов Северного Урала и исследование морфофизиологической изменчивости основных представителей флоры и фауны в возрастном, видовом и

эколого-географическом аспектах. Вторая тема, к разработке которой были так или иначе привлечены все сотрудники института, по существу представляла собой дальнейшее развитие идей докторской диссертации В. И. Патрушева, которая, в свою очередь, опиралась на теоретичес-

логии и ее периодизации; к этой концепции он впоследствии неоднократно будет возвращаться, уже работая в университете.

Все указывало на то, что В. И. Патрушев обрел твердую почву под ногами и видит свое будущее только в связи с ин-

Академики
М. П. Роцевский,
А. Т. Мокроносов и
В. Н. Большаков –
ученики В. И. Патрушева

кие построения профессора вавиловской школы Н. П. Кренке и академика И. И. Шмальгаузена, чего Василий Иванович не скрывал и о чем неоднократно открыто заявлял. Замечательным в этой концепции института было то, что фактически весь коллектив был мобилизован для работы над единой комплексной проблемой по сравнительно единой методике и единой программе. По сути дела, это была стратегия научного прорыва в заданном направлении.

Примечательно, что участником этого мозгового штурма стал и молодой зоолог С. С. Шварц, пришедший в институт в октябре 1946 г. после успешной защиты в Ленинграде кандидатской диссертации. Именно в рамках этой программы, есть основания думать, что с подачи В. И. Патрушева, Станислав Семенович разработал свой метод морфофизиологических индикаторов: анализ комплекса морфологических и физиологических признаков популяции для ее прогнозирования. Этот метод сыграл заметную роль в дальнейших научных исследованиях будущего академика.

Кстати, в том же докладе Василий Иванович впервые обнародовал свое оригинальное представление об истории био-

ститутом. На это, между прочим, указывает и такой штрих в биографии: еще в мае 1945 г. Василия Ивановича разыскали коллеги по Белорусской академии наук и предложили ему возвратиться в Минск, гарантируя при этом скорое избрание членом-корреспондентом АН БССР. Он отказался и с неизменной своей энергией продолжил многогранную деятельность по развитию дорогого уральского детища.

Был еще на том этапе жизни В. И. Патрушева непродолжительный период (с июля 1945 по август 1946 г.), когда он, не оставляя институт, работал заместителем председателя УФАНа (а председателем был академик И. П. Бардин). Назначение на столь серьезную должность было возможно лишь при очень высокой оценке его научного потенциала, организаторских способностей и гражданской (в контексте того времени) позиции. Ему безоговорочно доверяли, причем настолько, что в 1946 г. даже простили утрату летом 1941 г. партбилета – восстановили в партии. Правда, с выговором, который висел на нем еще пять лет. Но Василий Иванович сам отказался от высокой должности в аппарате руководства УФАНа, ибо полагал, что тратить время и энергию на исполнение

чиновничьих обязанностей нецелесообразно, когда так многое нужно сделать в институте. Но от занятий со студентами на кафедре общей биологии Уральского университета имени А. М. Горького, куда он пришел еще в 1945 г. и где в 1946-м утвержден в звании профессора, он не

за тем положено было искать подтверждение «мудрости партии» на местах. Именно этим объясняется, что уже 20 августа в партийной газете «Уральский рабочий» появилась статья, «разоблачавшая» лазутчиков от «вейсманизма-морганизма» в местном сообществе ученых-

Сотрудники кафедры физиологии человека и животных биофака УрГУ. В. И. Патрушев – в центре первого ряда. Не позднее 1961 г.

отказался, ибо подготовка нового поколения исследователей – неременное условие развития науки.

Естественно, работа Патрушева в институте шла под неусыпным контролем академического и партийного руководства, иначе в то время быть не могло. Однако разнообразные проверочные комиссии давали этой работе неизменно высокие оценки, даже сам Василий Иванович оценивал свои достижения более критично. Еще в январе 1948 г. очередная академическая проверка показала, что «В. И. Патрушев дал правильное направление институту и обеспечил эффективную его работу как в научном, теоретическом, так и в практическом, для Свердловской области, отношении»¹.

Казалось бы, после всех превратностей судьбы жизнь ученого вошла в надежное русло, впереди открывались захватывающие перспективы.

Но в августе 1948 г. случилась печальная знаменитая сессия ВАСХНИЛ, после которой Президиум АН СССР принял Постановление «О состоянии и задачах биологической науки в институтах и учреждениях Академии наук СССР». Разумеется, инициатива исходила не от ученых, а от партийного ЦК, а значит, вслед

за биологов, причем главным местным «антимичуринцем» был объявлен директор академического Института биологии – очень уж он подходил на эту роль: ученик репрессированного Н. И. Вавилова, проповедник трудов вейсманистов Н. П. Кренке и И. И. Шмальгаузена и вообще опасно самостоятельный в мышлении и поступках человек.

Потом были еще атаки с газетных полос, клеймение на партсобраниях, ожидаемым итогом стало постановление Свердловского обкома КПСС от 5 октября 1948 г., в котором фактически перечеркивались все достижения Института биологии, еще совсем недавно ценимые столь высоко. Им же предписывалось «профессора ПАТРУШЕВА В. И., как активного сторонника реакционного вейсманистско-моргановского направления в биологии, направлявшего деятельность биологического института УФАНа по неправильному пути и оторвавшегося от практики сельскохозяйственного производства, от занимаемой должности директора института освободить»².

Вместе с ним «в связи с изменением структуры и направления Института» уволены еще 13 «остепененных» сотрудников-соратников, а из аспирантуры Ака-

¹ НА УрО РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 586. Л. 294.

² Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДОСО). Ф. 285. Оп. 3. Д. 95. Л. 110–112.

демии наук СССР отчислены «ввиду отсутствия в Филиале научного руководителя» 5 аспирантов. Изгнали из института также будущего его директора С. С. Шварца с почти уже готовой диссертацией. Согласно тому же постановлению Василий Иванович был уволен и из университета. Блестящий ученый, фронтовик, талантливый организатор в неполные 38 лет остался не удел – без работы, без зарплаты и, можно сказать, с волчьим билетом в кармане...

«Занять оборонительную позицию»

Если бы Василий Иванович был скрытым диссидентом (какими нынешние критики «тоталитарного режима» любят изображать его жертв), он вынужден был бы признать свое поражение и хоть на время отойти в тень. Но у вчерашнего вологодского крестьянина, прошедшего через испытания великой войны и поднявшегося на высшую ступень научной карьеры, не было оснований противопоставлять себя советской власти. Он, безусловно, считал себя правым, но вынужден был считаться со своими оппонентами – не потому, что признавал за ними долю правоты, и уже тем более не потому, что видел в них выразителей интересов советской власти. Просто он трезво оценивал их недобрую силу и знал «правила игры». Понимая все это, он не отступил, а ввязался в борьбу – за себя, за свое достоинство, за право работать для пользы общего дела, а значит, и за это дело, которое считал важным для страны.

Прежде всего, Василий Иванович пишет пространное заявление в Президиум Академии наук СССР³ – может быть, наиболее неудобный и не вполне понятный для нынешних его биографов документ. Человек прекрасно образованный, обладающий ясным мышлением, твердый в убеждениях и бесстрашный – и вдруг начинает каяться в своих ошибках, признавать достоинства «передового, материалистического мичуринского» учения и ошибочность учения «идеалистического, вейсмановского, менделеевско-морганизовского». Сломали? По первому впечатлению – да.

Но обратите внимание: во всех его рассуждениях про «передовое» и «реакционное» учение, в заверениях, что, дескать, «в соответствии с известными указаниями В. И. Ленина, я хочу “открыто признать ошибку, вскрыть ее причины...”» и т. п. – нет ничего индивидуального, своего, патрушевского; это шаблонные фразы и обороты из партийно-пропагандистского обихода. В них прочитывается не столько стремление, хотя бы притворное, пересмотреть свою позицию, сколько ритуальный жест, что-то вроде крестного знамения при входе в храм: дескать, я не бусурманин какой-нибудь, я свой. В то время это был знак, абсолютно понятный всем и уж конечно тогдашнему президенту академии С. И. Вавилову, брату погибшего генетика. Всего вероятнее, что В. И. Патрушев и не рассчитывал, что кто-то всерьез будет вчитываться в откровенно ритуальную часть его письма. И написано оно было не для того, чтобы остановить карающую руку, а чтобы побороть ритуальное же предубеждение адресата и побудить его прочитать то, что изложено в основной части письма. А там В. И. Патрушев написал о характере собственных научных поисков и особенно детально – о том, что уже сделано и что планируется сделать в ближайшей перспективе учеными института. Адресат письма должен был ясно понять две вещи. Во-первых, разработки института в сколько-нибудь тесной зависимости от «вейсманизма-морганизма» не находятся – не опираются на него и не опровергают. Просто они относятся к другой области биологической науки. Во-вторых, они имеют большое практическое значение, и, может, не столь уж важно, в чью сторону отвешивать поклоны – в сторону «мичуринского учения» или в сторону «вейсманизма-морганизма», если твоя работа сулит большой практический результат.

Словом, это было письмо не «кающегося грешника», а сильного борца, умеющего держать удар, и стратега, ориентирующегося в обстановке. И оно, без сомнения, возымело бы действие, если бы адресат (вот тут вовсе не обязательно иметь в виду академика С. И. Вавилова:

³ АРАН. Ф. 411. Оп. 37. Д. 1198. Л. 17–26.

ведь Патрушев обращался к Президиуму) был так же, как его автор, озабочен интересами дела, а не соблюдением ритуала, для кого-то имевшего, однако, вполне прагматический смысл. Так или иначе, Президиум академии в тот раз предпочел не спорить с властями. Разгром Института биологии был принят им безропотно, а изгнание Патрушева с поста директора не было опротестовано. К слову, потом, когда времена несколько изменились, Василий Иванович, вероятно, смог бы туда возвратиться, но даже не попытался этого сделать: институт был уже другой...

Отовсюду изгнанный, Патрушев пять месяцев находился без работы. Сохранилось предание, будто в течение какого-то времени ради хлеба насущного он работал консультантом в зоопарке; вполне может быть, но документальных подтверждений тому не найдено.

А вот дальше происходит нечто труднообъяснимое: декан биологического факультета Г. В. Заблуда приглашает опального ученого обратно на факультет, откуда еще недавно своим же приказом его увольнял (хотя и его самого в разгар борьбы с «вейсманистами-морганистами» на время отстраняли от должности). Существуют разные версии этого события. Все они сходятся в одном: Григорий Васильевич Заблуда, организатор и первый декан университетского биофака, был серьезный ученый и неординарный человек, причем весьма неробкого десятка. Он познакомился с В. И. Патрушевым еще до войны, в кабинете Н. И. Вавилова, и знал ему цену. И все-таки не уволить его по распоряжению обкома он не мог, однако при первой же возможности возвратил его на факультет. Все это выглядит правдоподобно, но не очень верится, что простой порядочности и непугливости декана было достаточно, чтобы противостоять решению обкома. Поэтому существует предположение, что кто-то сильный и влиятельный негласно, чтобы все-таки не дискредитировать обком, вступился за Патрушева; но раз негласно, значит, и документальное подтверждение бесполезно искать. Но кто бы это мог быть? Кто-то из высоких партийных чиновников? Среди них иногда встречались умные

люди. Или кто-то из руководителей академии – тот же С. И. Вавилов, например, или И. П. Бардин? Нет ответа...

Так или иначе, профессор В. И. Патрушев уже с весны 1949 г. продолжил читать лекции на биологическом факультете УрГУ, а с 1950 г. вступил в заведование кафедрой физиологии человека и животных и оставался в этой должности до самой своей безвременной кончины в 1962 г. Времена менялись: умер Сталин, вступала в права «оттепель», прежние идеологические нападки настолько обесценились, что Василия Ивановича теперь постоянно приглашают на заседания партбюро как компетентного эксперта по учебным, научным и организационным вопросам, а потом даже избирают членом партбюро университета. Он прочно занимает одну из ключевых должностей на факультете, пользуется популярностью у студентов и авторитетом у коллег. По всем признакам выходило, что жизнь его наконец стабилизировалась, штормовой период остался позади.

Увы, это только казалось. На самом деле этот период – заключительный период его слишком короткой и бурной жизни – по напряженности, накалу борьбы и расходу нервной энергии вряд ли уступал предыдущим.

Сразу отметим радикальный поворот его главных жизненных установок: если в Институте генетики, у Н. И. Вавилова, а потом в созданном им самим Институте биологии УФАНа он ощущал себя прежде всего ученым-исследователем, открывателем новых истин, то на университетской кафедре он сконцентрировал весь свой творческий потенциал на преподавании.

Кафедра была новая, а время послевоенное: много времени и сил нужно было затратить на ее обустройство. Он проявлял недюжинный организаторский талант и невероятную изобретательность, чтобы оснастить ее новейшим по тому времени оборудованием и всей необходимой литературой. Сохранились свидетельства того, как ловко он воспользовался знаменитой «Павловской сессией» двух академий: каюсь в ошибках, которых не совершал, и сознательно вызывая огонь на

себя на ученых советах и партийных собраниях всех уровней, он добился от руководства УрГУ не только солидного по тем временам финансирования (100 тыс. руб.), но и его полной реализации. Получив в наследство две небольшие плохо оснащенные комнаты, благодаря этой «перестройке» он организовал и оборудовал в них хирургический блок для экспериментов с животными (один из лучших в своем роде в городе), камеру условных рефлексов и фотокомнату. Им организованы физиологическая и биохимическая лаборатории, получены средства на виварий, который впоследствии был выстроен во дворе университета, а Василий Иванович со своими учениками, как потом вспоминал один из них, «первым надевал фартук каменщика и брался за подготовку раствора и кладку кирпичей».

Руководство и партбюро университета укоряют его за малое количество научных публикаций, а он озабочен тем, чтобы обеспечить студентов учебной литературой, соответствующей современному уровню состояния профильных для кафедры областей знания. Он разрабатывает и издает (не столь важно, что на правах рукописи) методические пособия и курсы лекций «Зоотехническая физиология», «Физиология человека и животных» (1950), «Радиоактивные элементы в биологии», «Изотопный метод исследования в физиологии» (1953), учебное пособие «Предмет и метод физиологии и ее место среди биологических наук» (1954), «Введение в биологию» (1955), учебное пособие «Краткий очерк развития и использования биологических знаний» (1961) и курс лекций «Основы биологии» (не был опубликован).

Конечно, эти издания только подспорье к лекциям, которые он, по свидетельству студентов 50-х гг., читал очень доходчиво, просто, оснащая их множеством примеров из практики и при этом почти не пользуясь записями. Академик А. Т. Мокроносов (1926–2000), окончивший биофак УрГУ в 1951 г., вспоминал: «Биофак УрГУ был недавно создан, не имел традиций и сильных кадров. Единственная яркая личность – профессор

В. И. Патрушев – был ошельмован как вейсманист-морганист и потерял работу. Я его считаю одним из своих учителей. Василий Иванович был прекрасный лектор, послушать его лекции, которые иногда заканчивались аплодисментами, приходили студенты других факультетов».

Кафедра физиологии человека и животных УрГУ.
Фото Е. Н. Колосовой

Однако чтение лекций по биологическим дисциплинам в ту пору напоминало хождение по минному полю. Ни со смертью Сталина, ни с началом «оттепели» борьба Т. Д. Лысенко и ведомых им «мичуринцев» против «вейсманистов-морганистов» не прекратилась. Партийные власти по привычке стояли, как правило, на их стороне. При этом они помнили, что профессор биофака УрГУ В. И. Патрушев еще недавно был главным в городе «антимичуринцем». Истребление «лжеученых» уже не считалось обязательным, с работы их не выгоняли, но идеологическая «бдительность» и «принципиальность» по-прежнему были в цене, и, видимо, было немало людей, которым хотелось в этом плане отличиться. Поэтому и к лекциям В. И. Патрушева, и к иным его публичным выступлениям со стороны некоторых коллег, а более того – со стороны преподавателей общественных дисциплин проявлялся специфический интерес. Василия Ивановича, пережившего не только шельмование, но и отстра-

нение от работы, новые попытки «разоблачить» его как проповедника «антинаучных» теорий ужасно нервировали.

Сохранились его дневниковые записи 1951–1954 гг., запечатлевшие его внутреннее состояние. Судя по ним, Василий Иванович ощущал себя примерно так же, как в июньские дни 1941 г., когда с группой подчиненных ему бойцов оказался во вражеском окружении. Это ощущение не диссидента во враждебной ему стране, а воина, окруженного противниками, которые незаконно орудуют на его земле. Кто они? Он считает, что это «карьеристы, которые путем демагогии и насилия решили держать в подчинении и повиновении интеллигенцию города. Главные их средства – погромная критика и оргвыводы через Обком. К сожалению, там они пользуются влиянием...» И дальше тревожное: «Как быть? Силы не равны, помощи ждать неоткуда... Придется пока выжидать, занять оборонительную позицию, уклониться от сражений». О каких сражениях идет речь? Он всерьез и тщательно продумывает всевозможные способы борьбы с этой «бандой», этими «прохвостами»; тем и заполнены страницы его дневника...

Скорее всего, никакого заговора против него не было, козни врагов – плод его встревоженного воображения, но ведь тревоги его были не беспочвенны! Вся его предшествующая жизнь доказывала, что талант и честный труд на благо отечества вовсе не гарантия против преследования и незаслуженных расправ. Вопрос не в том, на самом ли деле против него вели тайную войну откровенно названные в его дневнике ведущие университетские обществоведы, а в том, как он мог жить и работать с грузом таких подозрений на душе.

Между тем это были плодотворные для него годы. Не сосредоточиваясь уже в каком-то одном направлении научного поиска, как было во время его работы в институтах Академии наук, он занят подготовкой молодых специалистов, которые отвечали бы запросам времени – «чтобы переучиваться потом не пришлось». Он поразительно точно ощущал тенденции развития биологии и заранее готовил сво-

их питомцев к переходу в новое качество. Он руководил студенческим научным обществом биофака; главной формой работы с его участниками было вовлечение их в реальную научно-исследовательскую работу, поэтому работы его учеников, как правило, отличались зрелостью и постоянно отмечались как лучшие в приказах по УрГУ. Особой популярностью пользовался научный кружок кафедры физиологии человека и животных, которым руководил сам Василий Иванович. Об этом кружке рассказала в своих воспоминаниях профессор Г. И. Таршис, выпускница биофака УрГУ 1953 г.: «Его эрудиция, доступность и четкость в изложении сложных проблем физиологии мозга поражала наше воображение, заставляла читать научную литературу, стимулировала желание трудиться в науке. В. И. Патрушев учил личным примером, а это, как известно, самый эффективный способ воспитания».

С первых шагов на кафедре профессор В. И. Патрушев всеми средствами стимулировал развитие самых современных и перспективных направлений биологической науки, особенно изначально близкой ему физиологии. По свидетельству бывшего его аспиранта В. Г. Жукова, «на кафедре, впервые на Урале, были освоены методы электроретинографии (запись электрической активности глаз), электромиографии (запись электрической активности работы мышц), электроэнцефалографии (запись биотоков мозга). Василий Иванович, показывая нам работы Экклса, мечтал о том, что когда-нибудь и мы будем работать с токами действия на уровне клетки. Он организовал массовые исследования детей на базе детских домов, расширил и углубил лабораторные исследования человека в камерных условиях и в условиях свободного передвижения. Он стал интересоваться проблемами физиологии труда. Кстати, метод биотелеметрии, который стал широко использоваться в исследованиях труда и спорта, впервые был также разработан им совместно с инженером Домбровским. Первые опыты были поставлены на базе Свердловского зоопарка. Позднее этот метод использовался в космической физиологии».

В. И. Патрушев явился пионером радиоизотопных методов исследования биологических процессов, в 1953 г. он даже организовал лабораторию радиоизотопных исследований, которая просуществовала до 1959 г.

По его инициативе начинались первые работы по электрокардиологии и по физиологической хирургии. Профессор В. С. Крылов впоследствии впервые в нашей стране заменил разорванный сосуд у человека на искусственный, а затем провел одну из первых в стране пересадок почки. Вдохновителем ряда пионерных направлений был В. И. Патрушев, но сам он не публиковал по этому поводу никаких работ. А в 1960 г. Василий Иванович впервые принял к себе в аспирантуру двух выпускников физико-математического факультета и тем самым дал толчок развитию на базе факультета нового направления биологической науки – биофизики.

Одним из демагогических поводов для нападок лысенковцев на «вейсманистов-морганистов» была якобы оторванность генетических исследований от запросов практики. Физиология человека и животных, которой со времен работы в институте Н. И. Вавилова занимался В. И. Патрушев, с практикой была связана очевидным образом, а под воздействием идеологических ристалищ первой половины 50-х гг. Василий Иванович где-то осознанно, а где-то уже и на уровне инстинкта педалировал эту сторону своей научно-педагогической деятельности. Большое место в учебном процессе занимали практические занятия студентов в условиях реального сельскохозяйственного производства. Значительная доля такой работы велась на базе «образцового хозяйства МВД» – совхоза «Исток».

С приходом к руководству партией и страной Н. С. Хрущева начались попытки реанимировать разрушенное коллективизацией, индустриализацией и войной сельское хозяйство. В феврале 1956 г. появилось постановление ЦК КПСС и Совета министров, в котором выражалось в общем-то здоровое желание подвести под сельскохозяйственную политику государства некую научную базу. Для того требовалось развернуть соответствующую

научно-исследовательскую работу, а для выполнения такой работы нужно было создать сеть научных учреждений. Где-то «наверху» сочли, что неплохо оборудованное и имеющее опыт научной работы «образцовое хозяйство» «Исток» вполне годится для преобразования в научно-исследовательский институт. А чтобы этот институт с самого начала имел возможность вести исследования на серьезном уровне, ему были переданы лаборатории сельскохозяйственного профиля из Института биологии УФАНа (что академическому институту пошло даже на пользу).

Так возник УралНИИСХоз, и первым директором его был назначен В. И. Патрушев. Мотивы его выдвижения на эту должность достаточно очевидны: прекрасно подготовленный ученый, умеющий видеть перспективу и принимать нешаблонные решения; неоднократно проверенный в деле организатор, да и вообще – хорошо знает совхоз «Исток». Василий Иванович принял это предложение, возможно, искренне полагая, что здравый смысл, которого во все прежние времена так не хватало партийным властям, наконец-то восторжествовал.

Он взялся за новое дело, как всегда и прежде бывало, энергично. Не прерывая преподавательской деятельности в университете, в короткий срок решил проблему кадров, создал ряд лабораторий и организовал научно-исследовательскую работу. Под его руководством в УралНИИСХозе разработана система научно обоснованных мероприятий для внедрения в практику сельского хозяйства зоны Урала. Были выработаны физиологически обоснованные принципы кормления сельскохозяйственных животных. Впервые были поставлены вопросы о белковом дефиците в организме животных и о научном обосновании сбалансированного питания по аминокислотам и другим компонентам рациона. Метод пищевых нагрузок, в том числе и белковых, предложенный В. И. Патрушевым, стал широко использоваться в сельскохозяйственной практике и в физиологических исследованиях на других живых объектах уральской зоны.

Но надежда Василия Ивановича на торжество здравого смысла в государственной политике не оправдалась и в этом случае. Партия вовсе не собиралась реализовывать разработки ученых, ей было нужно другое – чтобы ученые всякий раз авторитетно подтверждали ее «мудрые» решения. На этой почве у директора нового института возник конфликт с партийным руководством области и страны. Случилось это во время памятного многим визита Н. С. Хрущева в Свердловск в 1958 г. Великий энтузиаст торфоперегнойных горшочков и кукурузы в сопровождении первого секретаря Свердловского обкома КПСС А. П. Кириленко посетил УралНИИСХоз,

их там – по протоколу – встречал профессор В. И. Патрушев. Какой между ним и высокими визитерами состоялся разговор, в точности не известно, а только вскоре после этого визита слишком самостоятельно мыслящий руководитель научного коллектива был со своей должности снят.

Василий Иванович был закален ударами судьбы и, как мы знаем из его дневника, всегда готов был отразить атаку. Противостоять обкому и ЦК он, конечно, не мог и не собирался это делать, а просто снова всю свою энергию переключил на кафедру.

Но срок его был уже отмерен...

Мой учитель

Василий Иванович Патрушев, мой учитель, был выдающийся самобытный ученый, который во многом опередил свое время – так же, как и многие из его учителей.

Будучи деревенским по духу и воспитанию, по потрясающей работоспособности и пониманию, что только он сам, своим трудом может чего-то добиться в жизни, он прожил жизнь не просто достойную, но и удивительно цельную и красивую. Весь свой интеллект и все силы он направлял на развитие и сохранение биологической науки, прежде всего физиологической генетики и физиологии. Он всегда выступал против лысенковщины, причем делал это открыто и публично еще в довоенные годы, находясь в эпицентре борьбы – в АН СССР, не считаясь с конъюнктурой, не взвешивая соотношения сил сторонников и противников, не просчитывая последствия для себя и всецело полагаясь на свои убеждения. За это его люто ненавидели и преследовали и сам Трофим Лысенко, и последователи «народного академика».

Преследовать его начали с 1940 года, когда Василию Ивановичу было всего-то тридцать лет, а потом были война, фронт, перипетии послевоенных лет, «охота на ведьм» конца 40-х, когда его, зачислив (не

без оснований!) в «вейсманисты-морганисты», снимали с работы, подвергали публичной обструкции, отлучали от науки. Во всех этих испытаниях Василий Иванович сохранил свои твердые убеждения и не предал своих учителей и соратников.

Даже умирая, В. И. Патрушев пригласил к себе представителя биофака УрГУ и перечислил фамилии тех лысенковцев, которых просил официально предупредить, чтобы они не появлялись на его похоронах. Он боролся за будущую чистоту науки даже в свой смертный час. И эти люди не были допущены на прощание с профессором Патрушевым.

Василий Иванович был удивительно цельный, мудрый и талантливый ученый. Думаю, что сражаться с Лысенко так, как он сражался всю свою жизнь, было в разы более сложно и почетно, чем даже Тимофееву-Ресовскому. Недаром от Патрушева с испугом шарахались многие его современники. Нигде и никогда не упоминал академик С. С. Шварц о том, что он поступил в свое время в докторантуру к В. И. Патрушеву, но в 1948 году, после августовской сессии ВАСХНИЛ, эта докторантура была закрыта.

Что сделал Василий Иванович в науке? Скажу очень кратко.

Один из первых в нашей стране принял участие в разработке технологии искусственного оплодотворения в животноводстве.

Работая в Институте генетики под руководством академика Н. И. Вавилова, молодой физиолог Патрушев (ему же не было еще и тридцати!) первым в нашей стране начал развивать новое направление биологической науки – физиологическую генетику животных. Он занимался сельскохозяйственными животными, и результаты его исследований имели большое практическое значение для сельского производства. Но это был и серьезный вклад в науку, поэтому в те же годы им, по представлению Вавилова, было опубликовано в Докладах АН СССР и центральных биологических журналах много работ, касающихся этого направления исследований. Сохранилась переписка Вавилова с будущим нобелевским лауреа-

том П. Мюллером; в письмах своему коллеге Николай Иванович вспоминает о В. И. Патрушеве и очень высоко оценивает его вклад в постижение генетики животных.

В стартовые годы своей научной карьеры В. И. Патрушев работал и в тесном контакте с единомышленниками Вавилова Н. П. Кренке и академиком И. И. Шмальгаузенем, внес достойный вклад в развитие их идей, что, впрочем, во время борьбы с генетиками ставилось ему в вину.

В. И. Патрушевым была предпринята очень широкая программа исследований по применению физиологических нагрузок для выяснения функционирования физиологических систем.

В последние годы своей жизни В. И. Патрушев предпринял достойные шаги по переосмыслению для своего времени идей Ивана Петровича Павлова.

*М. П. Роцевский,
академик РАН*